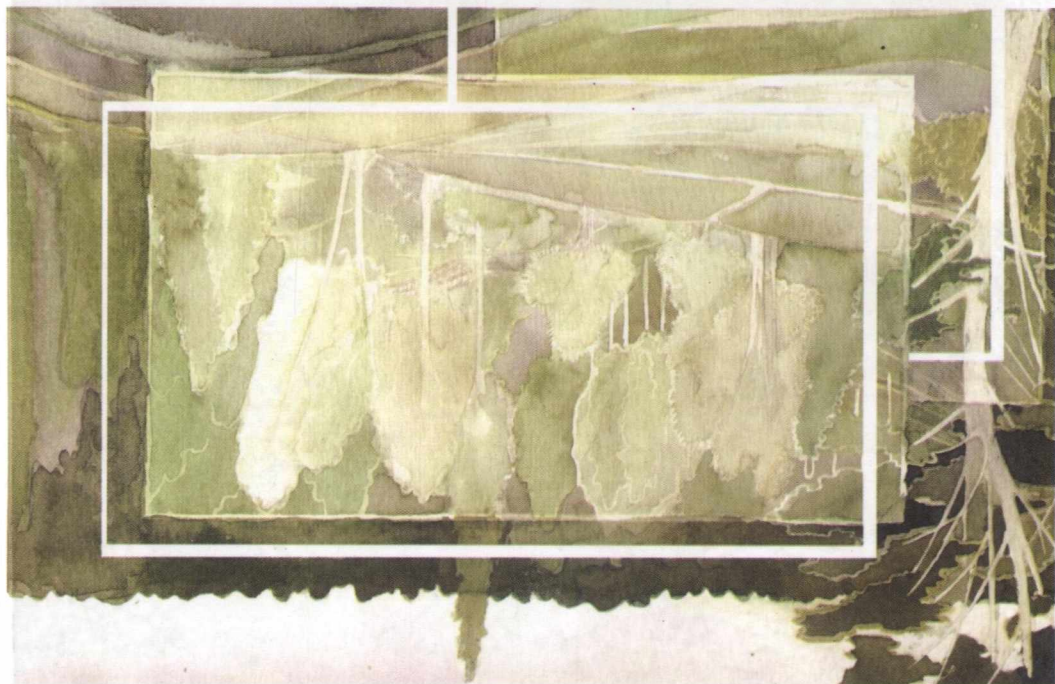

Н.В. КОВТУН

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА В ЗЕРКАЛЕ УТОПИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.В. Ковтун

**«ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА»
В ЗЕРКАЛЕ УТОПИИ**

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

2009

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К56

Рецензенты

доктор филологических наук *Т.М. Вахитова*
доктор филологических наук, профессор *И.П. Смирнов*

Утверждено к печати

Ученым советом Сибирского федерального университета

Ковтун, Н.В.

К56 «Деревенская проза» в зеркале утопии / Н.В. Ковтун;
М-во образования и науки РФ, Федер. агентство по образованию, Сиб. федер. ун-т. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – 494 с.

В монографии анализируются проблемы становления, развития утопической традиции в России. В центре внимания автора именно «позитивная», счастливая утопия, особенности ее художественного воплощения в традиционной прозе второй половины XX века (миромоделирующие проекты А. Солженицына, В. Белова, В. Распутина), а также пути преодоления, выхода из пространства Утопии в бесконечность истории (творчество В. Шукшина, Ф. Абрамова, Б. Можаява, позднего В. Астафьева).

Современная литература рассматривается с позиции нравственной проективности, ее художественной реализации в условиях утраты всех прежних ценностей, исчезновения самой «почвы». Глобальные утопические проекты прогрессистов и традиционалистов («деревенская проза»), опротестованные самой историей, являются точкой отсчета для литературы постмодернизма и современного неореализма.

Книга рассчитана на филологов, культурологов, студентов и аспирантов гуманитарных вузов.

Исследование выполнено

в рамках интеграционного проекта СО РАН
«Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы
в системе контекстуальных и интертекстуальных связей
(общенациональный и региональный аспекты)»

Издание осуществлено

при финансовой поддержке Красноярского фонда науки
(грант 14F14) и Сибирского федерального университета

ISBN 978–5–7692–1013–6

© Ковтун Н.В., 2009
© Сибирский федеральный университет, 2009
© Оформление. Издательство СО РАН, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ЕВРОПЕЙСКАЯ «НИГДЕЙЯ» И РУССКАЯ «ТУТОПИЯ» . . .	11
1.1. Утопия как метажанр	13
1.2. Классические и современные утопии	23
1.3. Становление отечественной утопической традиции	32
1.4. На руинах «хрустального дворца». Н. Чернышевский, Ф. Достоевский, М. Салтыков-Щедрин	66
1.5. Утопические проекты модернистов	82
Глава 2. СОВЕТСКАЯ ОРТОДОКСАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ДИСКУРСЕ УТОПИИ	119
2.1. Этапы развития утопии «светлого будущего»	121
2.2. Мифология гностицизма и социалистический реализм	163
2.3. Гибель советской Атлантиды. Редукция утопического канона	180
Глава 3. ПОБЕГ ИЗ БУДУЩЕГО. УТОПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ ТРАДИЦИОНАЛИСТОВ	207
3.1. Становление патриархальной утопии. Ведущие направления	209
3.2. «Неославянофильская» утопия в раннем творчестве А. Солженицына	261
Глава 4. ОБРАЗ ЗЕМЛИ ОБЕТОВАННОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ В. РАСПУТИНА	281
4.1. Софиологические интуиции в раннем творчестве писателя	283
4.2. Поэтика «демонического» в повести «Живи и помни»	309
4.3. Легенда о Беловодье и ее художественное воплощение в повести «Прощание с Матерой»	323
4.4. Апокалиптические мотивы в прозе конца 1980–1990-х годов	343
4.5. Реконструкция образа мира-храма в повести «Дочь Ивана, мать Ивана»	371
Глава 5. ЗА ВОРОТАМИ КИТЕЖА. ТРАНСФОРМАЦИЯ УТОПИИ В ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	387
5.1. Диалог утопии – антиутопии в «Царь-рыбе» В. Астафьева	389

5.2. Идиллия и апокалипсис. Образ мира в повести «Пастух и пастушка»	402
5.3. На лезвии Утопии. Антиутопические мотивы в рассказах В. Шукшина	419
5.4. Деконструкция и реконструкция утопии в текстах Л. Петрушевской, В. Маканина, Т. Толстой.	435
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	474
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	483

ВВЕДЕНИЕ

Представление о России как стране, культура которой пронизана утопизмом, достаточно устойчиво в современном отечественном и западном литературоведении. Предмет настоящей работы – сущностная характеристика литературы второй половины XX века («деревенская проза»), ее своеобразное «оправдание» – нравственная проективность. Исследуется специфика реализации проективности в условиях не просто критического отношения к настоящему, но осознания несовместности всех прежних ценностей с действительностью: «Поиски позитивного образа будущего, если их рассматривать как духовную работу, совершенно неизбежны в кризисные эпохи, тем более в наше время тотальной критики основ современной цивилизации», – считает Е. Черткова¹. Анализ нравственного пафоса утопических проектов традиционалистов в данном контексте особенно важен, проверке-испытанию подвергаются темы, образы, символы, положенные в основание отечественной культуры.

Понятие «утопия» выступает в монографии как своеобразный *инструмент измерения*: оно изначально оценочно (по отношению к содержанию проекта) и беспристрастно (по отношению к художественному уровню его исполнения). Утопия – одна из базовых идей человеческой культуры, теоретическое обоснование которой предпринималось в течение тысячелетий. Т. Артемьева относит утопию к сквозным понятиям, «обозначающим явления, в равной степени характерные для всех эпох, позволяющие увидеть связь времен, преемственность идей», фундаментальные начала и временные представления². «Целые духовные образования и направления мысли в истории идей (например, в России масонство, славянофильство, народничество) могут

---

¹ Черткова Е. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 81.

² Артемьева Т. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. С. 480.

быть поняты и объяснены и как утопические, то есть через утопию, что позволяет говорить об определенном методологическом значении утопии как духовного феномена»³.

В монографии отмечаются этапы становления русской литературной утопии на протяжении XVIII – начала XX века, выясняются особенности становления отечественной утопической традиции⁴, представленной во второй половине XX столетия произведениями «мерцающего утопизма» позднего социалистического реализма (соцреализма) и патриархальной утопией «деревенщиков».

Ограниченные избранной проблематикой (соотношение прогрессистской и патриархальной линий утопизма), хронологическими рамками, стремлением рассмотреть глобальные утопические проекты (серьезно повлиявшие на миропредставления современников), критериями утопии как вида литературного жанра, мы вынуждены отказаться от анализа утопий, созданных в эмиграции, и подробного исследования художественных проектов переделки мира, появившихся в русской литературе начала XX столетия (вызывающих все больший интерес современного литературоведения⁵).

В работе прослеживается процесс сотворения сознанием именно позитивной, «счастливой» утопии наперекор несовершенному настоящему, но в соответствии с устоявшейся моделью мышления. Утопический текст моделирует лучшую реальность вопреки реальности существующей, выступает своеобразным зеркалом, отражающим пороки действительности. Путь, прочерченный художником, напоминает лабиринт, в конце ко-

---

³ Солодкий Б.С. Утопия // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: СЭ, 1972. Т. 7. С. 92.

⁴ Под утопической традицией мы понимаем ряд текстов, каждый из которых представляет источник мотивов, образов для позднейших утопических произведений.

⁵ См.: Быстрова О.В. Русская литературная антиутопия 1920-х годов XX века. Проблемы жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996; Лазаренко О.В. Русская литературная антиутопия 1900-х – первой половины 1930-х годов. Проблемы жанра: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997; Петрова О.А. Жанр утопии в русской прозе первой половины 1920-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 1998; Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного. Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999; Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX века. Эволюция, поэтика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002; Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900–1920-х годов в контексте отечественной культуры. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2004.

торого мерцает образ лучшего будущего или золотого века прошлого, движение по лабиринту определено и «снабжено указателями; и как бы мы ни пытались сбежать, мы будем снова и снова возвращаться туда же»⁶ – такова семиотическая природа утопии. Преодоление границ текста А. Петруччани связывает с волей *автора*, поставившего точку, пробуждением-возвращением *героя* или своеволием *читателя*, закрывшего книгу⁷.

Какие бы испытания не преодолел путешественник на пути к обетованной земле, какие бы уроки он не вынес из пережитого, Утопия неизменно ускользает, идеал не может быть примирен с действительностью окончательно. Разочарование в утопической перспективе оборачивается не смирением перед бытием, но его десемантизацией, признанием власти кромешного антимира (анти-идеала), который и воплощает антиутопия. Проект идеального общества, явленный в утопии, и образ изнаночного бытия (не-бытия), представленный в антиутопии, соотносятся друг с другом по принципу зеркального отражения, реальность же остается меж ними.

Для характеристики современной литературы, пожалуй, и нет более емкого термина, чем «утопия», где утопии авангардистов предваряют глобальную коммунистическую утопию, оформившуюся в художественном творчестве через теорию социализма, на смену которой в 1960-е годы придет ретроспективная утопия «деревенщиков» в разнообразии авторских вариантов и технократические утопии «молодежной прозы». В данной парадигме место постмодернизма как совокупности практик противостояния утопическим интенциям определено ролью антиутопии.

Провал отечественной истории в «утопические бездны» литературоведами зачастую только фиксируется, анализ глубинных причин произошедшего ограничивается ссылками на авторитеты Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, на идеи западного просветительства и Ренессанса. Однако жанр (метажанр)⁸, как показал М.М. Бахтин, не просто эстетическая категория, но поле ценностного восприятия мира, основной способ понимания действительности. И значит, в истории самой нации следует

---

⁶ *Петруччани А.* Вымысел и поучение // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы: Пер. с разл. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 112.

⁷ Там же.

⁸ Мы рассматриваем утопию как метажанр, «третичный жанр», по терминологии М. Бахтина, в который встраивается любой «вторичный»: утопический роман, повесть, рассказ...

искать причины, объясняющие мобилизацию креативного пафоса утопии⁹.

Менталитет художника прошлого столетия определился во времена, когда был провозглашен тезис Ф. Ницше: «Бог умер». Наступившие «сумерки Богов» понуждали к двум следствиям: на долю русского авангарда 1910–1920-х годов выпало строительство новой художественной вселенной, где ставшее вакантным место Бога-Творца занимает художник-демиург, а те, кто не были готовы к столь радикальной духовной перестройке, пытались сохранить в собственном творчестве черты христианского образа мира и человека (творчество «новокрестьянских» поэтов). Разрушенная христианская гармония вселенной равно поставила перед человеком нового времени задачу создания иной картины мира.

В кризисные периоды, по мнению немецкого философа Людвиг Штейна («Социальный вопрос с философской точки зрения», 1897), и обостряется интерес к утопии, которая позволяет разочаровавшемуся в реальности художнику максимально произвольно распорядиться судьбами мира и человека. Утопии тогда выступают вестниками новых теорий, явлений, реформ, а их создатели получают широкую возможность участия в обновлении жизни. Так, утопические практики русского авангарда обусловлены революционными событиями, устремленностью к «иному» будущему, принципиально несовместному с настоящим. Однако, как справедливо пишет Б. Егоров, утопии не менее часто «возникают в консервативных периодах жизни общества, в обстановке социально-политической стагнации, когда не видны реальные пути переустройства мира»¹⁰. Эту точку зрения разделяет А. Чанцев: «утопическая и в целом дистопическая литература появляются тогда, когда в обществе утверждается мысль, что существующая ситуация законсервировалась надолго и имеет явную тенденцию лишь ухудшаться в будущем, а индивидуума не покидает ощущение отчуждения от участия в истории»¹¹.

---

⁹ Из новейших работ по истории, философии русской утопической традиции отметим: *Геллер Л., Нике М.* Утопия в России / Пер. с фр. И.В. Булатовского. СПб.: Гиперион, 2003; *Артемьева Т.* От славного прошлого к светлому будущему...; *Юрьева Л.Н.* Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005; *Воробьева А.Н.* Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах. Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2006; *Егоров Б.Ф.* Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПБ, 2007.

¹⁰ *Егоров Б.Ф.* Об особенностях русских социальных утопий 1840-х годов // Проблемы изучения культурного наследия. М.: Наука, 1985. С. 257.

¹¹ *Чанцев А.* Фабрика антиутопий. Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х // Новое лит. обозрение. 2007. № 86. С. 273.

В этом отношении «постоттепельный» период в России (вторая половина 1960-х годов) создает весьма благоприятную почву для распространения утопических идей: в стране разрушены завоевания эпохи «культурной либерализации», интеллектуалы уходят или в андеграунд, или в эмиграцию. Усилившееся противостояние Западу актуализирует интерес к «своему», национальному. Возрождение традиционных ценностей рассматривается как вариант исхода, что и отражает «деревенская проза». Развитие этой литературы во многом определено отталкиванием от утопических доктрин культуры социалистического реализма, утопии «прекрасного далека» противопоставляется утопия «светлого прошлого»¹².

Основу авангардной эстетики выразил П. Пикассо своей знаменитой фразой: «Я изображаю мир не таким, как его вижу, а таким, как его мыслю». Соцреалисты, развивавшие магистральные идеи авангарда о творчестве-ремесле, новом жизнестроении, нивелировке границ между искусством и неискусством, довели их до логического завершения, выстроив мистический (мыслимый) град в реальности, превратив жизнь целого государства в некое теургическое действие, художественный акт, эклектически соединяющий в себе сектантские, авангардные и псевдохристианские элементы¹³.

Утопические построения традиционалистов рассматриваются нами и в диалоге с религиозно-нравственными учениями старообрядчества; пристальное внимание уделяется проблеме соотношения «рационального» и «иррационального» начал, вопросу о взаимовлиянии утопии и эзотерических практик, родство которых до сих пор не было выявлено в достаточной степени. Сама идея знания, позволяющая радикально улучшить мир, заимствована утопией из эзотерических учений¹⁴. Источник высшего знания – Посвященный, Благодетель, Вождь, Великий Шаман, как правило, отличается от бога канонических религий. Он открывает тайны мироздания с помощью магических формул, а затем совершенствует его, управляет им. Утопист действует в этой же логике, «личные» связи авторов утопий с эзотерической традицией – установленный факт.

---

¹² См.: *Партэ К.* Русская деревенская проза: Светлое прошлое / Пер. с англ. И. Чеканниковой, Е. Кириловой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004.

¹³ *Эткинд А.* Хлыст: (Секты, литература и революция). М.: Новое лит. обозрение, 1998.

¹⁴ См.: *Геллер Л.* Об утопии, антиутопии, герметизме и Е. Замятине // Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 50–54.